

Сложность в историко-философской традиции: опыт осмысления

П.В. Ополев

Феномен сложности является определяющим фактором развития современного мира. Понятие «сложность» является общеупотребительным, активно используется в повседневности, в рамках общенаучной и философской традиции. При изучении литературы, посвящённой феномену сложности, складывается впечатление, что наука в решении вопросов о её статусе пытается обойтись без философии. Без обращения к истории философии представления о сложности будут неполными. Сложность как философская категория раскрывает перед нами способ существования действительности, многообразие вещей и их возможных состояний. Вместе с тем представления о сложности в историко-философской традиции разработаны недостаточно. Для лучшего понимания данного феномена требуется наметить формы репрезентации представлений о сложности в пространстве истории философии. Историко-философская традиция может помочь прояснить онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты сложности, которые в настоящее время проецируются в таких междисциплинарных направлениях, как синергетика, концепции глобального эволюционизма и «парадигмы complexity». Проблематика сложности шире «парадигмы complexity» и должна быть изучена не только средствами системного подхода, синергетики, философии постмодерна, но и в рамках истории классической философии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: единство, многообразие, простота, сложность, целое, часть.

ОПОЛЕВ Павел Валерьевич — Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, 644080, просп. Мира, д. 5.

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» ФГБОУ ВО Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск.

pvo-sinergetica@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Цитирование: *Ополев П.В.* Сложность в историко-философской традиции: опыт осмысления // *Вопросы философии.* 2019. № 5. С. 128–137.

Усложнение можно считать одной из ключевых характеристик мирового процесса развития, а сложность — показателем отличия одной ступени развития от другой. Деятельность человека оказывается связанной с упрощением или усложнением. Можно сказать, что вся человеческая история наглядно демонстрирует нам возрастание и последующее разрастание самых разнообразных видов сложности. От первобытного общества до античного полиса, от родоплеменного строя к раннефеодальному, от традиционного общества к постиндустриальному — всё это многообразные примеры социокультурного усложнения. Усложнение словно обнаруживает себя как опредмеченная «хитрость мирового разума», скрытая историческая необходимость.

Исторически получилось так, что именно философия учила человека обнаруживать сложность и преодолевать её посредством познания. Стремление философии к

истине было одновременно учением о способах рационального постижения мира и способом успокоения человека. Сложность преодолевается в получении ясного представления о действительности. Неслучайно, что истина в рамках историко-философской традиции постоянно наделяется характеристиками единства, простоты, ясности, определённости и т.д. Мнение, в свою очередь, ассоциируется с множественностью, неоднозначностью.

Проблемы сложности присущи философии. Однако в историко-философской традиции не существует единства мнений относительно природы данного феномена. По мысли А.М. Леонова, «...ни одна из философских традиций в полной мере не релевантна проблеме сложности» [Леонов 2004, 56]. Сложность как предмет исследования долгое время игнорировался философами. В специализированных словарных изданиях мы не встречаем определений ни простоты, ни сложности. Можно сказать, что сложность не является общепризнанной областью исследования для философии. По замечанию В.И. Аршинова и Я.И. Свирского, «...профессиональные философы, видимо, склонны полагать, что они изначально погружены в сложные проблемы и объекты, так что дополнительной сложности им не требуется» [Аршинов, Свирский 2015, 71].

В историко-философской традиции мы также не найдём разработанной метафизики сложности. Вместе с тем спекулятивная метафизика, будучи посвящена предельно «простым» вопросам бытия и познания, сама обладает чрезвычайной сложностью. Сложность категориально-понятийного аппарата философии, многообразие её языка также обращает на себя внимание. Сложность была своеобразным фоном, побудительным мотивом для философских дискуссий, но никогда не являлась непосредственным предметом для исследования в рамках классической философии. Данный феномен долгое время играл роль выразительного средства, подчёркивая ситуацию онтологического многообразия действительности и его гносеологической неопределённости в познании.

Феномен сложности неоднозначно представлен в рамках историко-философской традиции. «Парадокс сложности» в форме «парадокса развития» давно известен философии. Размышления на тему, как нечто простое самостоятельно может стать сложным, издревле будоражат философский разум. Развитие описывается как необратимое качественное изменение, в результате которого должно происходить усложнение, переход от простого к сложному. В этом случае необходимо говорить о «приращении содержания», «приращении сложности». Закономерно возникает вопрос: где это добавочное содержание заключено? Если мы допустим, что добавочное содержание имеет место в более простом состоянии, то становится непонятно, почему оно всё-таки «простое» и в чём тогда состоит последующее качественное изменение. Если же представить, что «приращение сложности» происходит за счет внешней среды, то получаются не менее парадоксальные результаты. В таком случае следует допустить, что кролик находится в траве, которую он ест. Несмотря на такое ироничное замечание, мы полагаем, что всё-таки данная идея не лишена смысла. Антропный принцип в современной космологии (особенно в своей «сильной» версии) может служить доказательством всей серьёзности и парадоксальности такого рода выводов.

Из философии проблема сложности никогда не исчезала, но именно простота во все времена наделалась особым онтологическим статусом. Умение увидеть за разнообразными явлениями действительности общий фундамент и изначальное единство долгое время определяло успех той или иной философской системы. Античная философия для описания причин происхождения вещей и источника их многообразия и сложности использует такие понятия, как «единое», «единство», «многое», «множественное». На первый взгляд учения философов древности сложность окружающей действительности игнорировали, сводя к простоте, которая была призвана выражать единство мироздания. Вместе с тем очевидно, что простая картина мира не согласуется с видимым многообразием вещей и процессов и не смогла в полной мере удовлетворить познающий разум.

Предположения о том, что действительность можно охватить с помощью одного исходного принципа, основной субстанции мы встречаем у основателя милетской

школы философии Фалеса. Идеи первоматерии (неизменное, бесконечное и недифференцированное бытие, способное преобразовываться в различные субстанции) мы встречаем у Анаксимандра. Со времен Парменида философы противопоставляли «сложному» не понятие «простое», а понятие «единое». В философии Гераклита возникновение и последующая гибель космоса представляет собой превращение одной и той же структуры под воздействием космического «логоса». Пифагорейцы верили в арифметическую простоту природы. По мысли Парменида, единое составляет «мир истины» — бытие, вечность, однородность и неделимость, в то время как движущееся множество преходящих вещей составляет «мир мнения». Единое оказывается доступным мышлению, которое, в свою очередь, оказывается простым, нерасчленённым единством без многообразия. Простота осмыслялась как неотъемлемый атрибут единого, в то время как сложность олицетворяла текучесть и изменчивость чувственного мира вещей. Всё, что обладает сложностью, по мысли Аристотеля, несовершенно, а значит, неизбежно должно пребывать в движении, «испорченный человек есть самый изменчивый» [Аристотель 1984, 220].

Сложность познания действительности стимулирует выработку различных подходов к описанию познавательного процесса и самой действительности. Сложности, с которыми сталкивается познающая мысль в античную эпоху, мы встречаем в натуралистической философии и в облике известных апорий Зенона. Одна из его известных апорий «Дихотомия» демонстрирует нам сложную проблему соотношения чувственного и рационального знания, дискретного и континуального в познании движения. Невозможность объяснить сложный феномен движения путём его упрощения и вовсе привела мыслителя к отрицанию его объективного существования.

В дальнейшем учение о едином было развёрнуто в многочисленных онтологических концепциях как европейской традиции (Плотин, Ф. Шеллинг, В. Соловьев и др.), так и восточной философии (Лао-цзы). Понятие «простота» активно использовалось применительно к логическому мышлению (Аристотель, Уильям Оккам и др.), к христианскому Богу (Плотин, Ориген, Иоанн Дамаскин, Николай Кузанский и др.), к природе (И. Ньютон, Ф. Бэкон и др.), к правилам для руководства ума (Р. Декарт).

Известные поиски натурфилософами единого порождающего начала не согласовывались с очевидным многообразием бытия. Попытку примирить идею единого и простого космоса с его видимой сложностью и многообразием мы встречаем в философии атомистов. В основании античного атомизма лежит идея упорядоченного, но дискретного космоса, состоящего из многообразия атомов, простых неделимых первочастиц, составляющих суть вещей. Движением атомов удовлетворительно объясняются самые разные явления природы. Можно сказать, что атомистический стиль мышления характеризует большинство философских систем Древней Греции (будь то поиск атомов или же первопричин). Атомизм как стиль мышления вырастает из реакции на сложность бытия, но при этом абсолютизирует количественные характеристики сложности.

Многообразие мира получает удовлетворительное объяснение через введение представлений о множестве первоэлементов. Проблема сложности у Демокрита носит онтологический характер. По его мнению, должны существовать некие первоначала сложных тел. Он указывает, что, с одной стороны, сложные тела отличаются друг от друга теми частицами, из которых они состоят (сложность определяется качеством элементов, её составляющих, — субстратная сложность), а с другой, положением и порядком атомов (сложность как особого рода организация, многообразие связей). «В сложном теле атомы изменяют положение и взаимный порядок» [Богомоллов 1982, 155]. Вещи отличаются друг от друга «фигурой атомов», разнообразием их сочетаний и положений. Сложность связывается с беспредельностью простого, а простота с неделимостью. Кажущаяся сложность проблемы движения получает решение в простой и интуитивно понятной картине мира, состоящего из атомов и пустоты. Однако онтологически простая картина мира порождает ряд сложных ценностных следствий, лишая человека свободы.

Познавательный аспект сложности мы обнаруживаем в философствовании Сократа. Несмотря на то, что Сократ предлагает сосредоточить внимание на инвариантных структурах нашего мышления и сознания (тем самым противопоставляя свои взгляды софистам), тем не менее настаивает, что к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе — с простыми. Платон определяет сложное как составное, утверждая, что рассеянию подвержено всё составное и сложное по природе, оно распадается таким же образом, как прежде было составлено. В философии Платона сложность и многообразие действительности связывается с «не-совершенством» материи. Платон называет сложным или составным то, что состоит из простых частей, подвержено постоянным изменениям. Несмотря на то, что термин «атом» Платон употребляет всего один раз (в диалоге «Парменид»), идея целостного единства, поиск неразложимой простоты бытия является одной из ключевых в его философии. В «Тимее» он вводит представления о простых плоскостях, «первичных треугольниках», из которых оказываются составленными более сложные объёмные геометрические фигуры, а в перспективе и сами вещи.

Согласно мысли Аристотеля, сложное — это то, что причастно материи, имеет определённые границы и состоит из элементов. Познать сложное означает узнать, из каких и из скольких начал оно состоит. Аристотель сложность связывал с наличием определённых границ, пределов. То, что не имеет границ, не может быть ни сложным, ни простым. По мысли Аристотеля, если бы природа человека была проста, то однообразная деятельность была бы ему наиболее приятной [Аристотель 1984, 220]. Следуя мысли Аристотеля, можно сказать, что человек вынужден развиваться вследствие своего несовершенства — сложности.

Сложность диалектически раскрывается в религиозном сознании христианского средневековья. В христианской теологии сущностью Бога является простота как одна из характеристик его совершенств. Если же допустить, что сущность Бога не проста и представляет собой единство разнообразных элементов, то также необходимо допустить предсуществование этих самых элементов самому Богу, что противоречит христианскому вероучению. При этом божественная простота рассматривается не как нечто однородное (недифференцированное вещество или чистая энергия), а как нечто целостное. Бог прост постольку, поскольку полностью самодостаточен. Он не нуждается в чём-то дополнительном для своего существования. Божественная простота рассматривается как отсутствие необходимости и потребности в дополнениях.

В христианской традиции сложность связывается с результатом творения, ограниченностью человеческого разума, повреждённостью человеческой природы. Божественная истина наделяется такими атрибутами, как простота, полнота и абсолютность. Человеческое знание, напротив, оказывается сложным, неполным и относительным. Восстановление утраченного единства оказывается возможным только в результате приближения к Божественной простоте. Для того чтобы приблизиться к «простому» Богу, религиозное сознание должно быть онтологически и гносеологически сложным. Сложность религиозного сознания — это своеобразная реакция на простоту бытия.

Многие средневековые представления о простоте и сложности своими корнями уходят в философские представления Аристотеля о том, что истинное и достоверное знание о вещах возможно через знание их причин. Основатель оксфордской философской школы Роберт Гроссетест утверждал, что знание может быть простым и сложным. Простое знание характеризуется тем, что искомая сущность улавливается непосредственно. Сложное знание предполагает усвоение знания посредством дефиниции, которой предшествует ряд посылок. При этом Гроссетест отмечал, что существует кажущееся сложное знание, которое выражает «...реконструкцию априорного постижения бога, которое на самом деле является простым» [Лосева 1979, 76]. В комментариях к одной из работ Аристотеля Гроссетест утверждает, что исследование необходимо начинать с фактов, дабы в последующем обнаружить скрытую причину. Поскольку явления, воспринятые с помощью органов чувств, сложны, то требуется разложить их на простые элементы.

Известная «брита Оккама» являлась не только мощным орудием критической мысли, но и воплощённым торжеством принципа простоты, «экономии мышления». Несмотря на то, что этот приём не является новым и восходит к Аристотелю («первая философия» у него является наиболее строгой, простой, поскольку она исходит из меньшего числа возможных предпосылок), он звучит как методологический принцип познания в целом. О сложности размышляет Дж. Бруно, характеризуя процесс познания действительности: «Когда интеллект хочет понять сущность какой-либо вещи, он прибегает к упрощению, насколько это возможно; и хочу сказать, он удаляется от сложности и множественности» [Бруно 2000, 146]. В философии Б. Паскаля отмечается, что в процессе познания мы отпечатываем наше сложное существо на всех созерцаемых простых вещах.

Принцип простоты в форме механицизма играет особую методологическую роль в науке и философии Нового времени. Представления об инвариантной простоте рассматривались как универсальный принцип познания действительности. Сторонники материалистического механицизма предлагают познавать по аналогии с машиной человека и общество как совокупности элементов, связанных друг с другом парным соединением простых частей. Человеческое тело и душа (если допускается её существование) также рассматриваются как сложный механизм.

Аналогию между человеческим телом и машиной мы встречаем в работах Р. Декарта и Ж. де Ламетри. У Декарта силы, действующие в человеческом организме, подобны силам в неживой природе и представляют собой те же самые физические закономерности. В работе «Страсти души» Декарт отмечает: «Тело живого человека так же отличается от тела мертвого, как отличаются часы или иной автомат... когда они собраны... от тех же часов или той же машины, когда они сломаны и когда условие их движения отсутствует» [Декарт 1950, 597]. Ламетри также допускает возможность «слепых» сил природы являться источником сложной действительности во всем её многообразии.

Сложность также может быть рассмотрена как своеобразная реакция человеческого мышления на простоту бытия. Вместе с тем уже Ф. Бэкон подчеркивал двойственное положение познающего разума, обращенного к действительности: «Созерцание природы и тел в их простое размельчает и расслабляет разум; созерцание же природы и тел в их сложности и конфигурации оглушает и парализует разум» [Бэкон 1978, 25]. Когнитивные искажения действительности, её избыточное усложнение препятствуют познанию истины. Известное учение об «идолах» познания посвящено всем тем объективным и субъективным сложностям, с которыми человек сталкивается в процессе познания действительности. Истинный опыт должен быть освобожден от предрассудков, порожденных заблуждениями нашего ума.

В работе «Правила для руководства ума» Р. Декарт формулирует базовый принцип методологии упрощения — принцип редукционизма: «Для того чтобы отделять самые простые вещи от запутанных и исследовать их по порядку, необходимо в каждом ряде вещей, в котором мы прямо вывели некоторые истины из других, усматривать, что в нем является наиболее простым» [Декарт 1950, 96]. Для того чтобы понять сложное, его необходимо разобрать до максимально элементарных частиц с последующим их познанием. Если у Демокрита сложность определяется бесконечным количеством атомов, то у Р. Декарта сложность определяется требованием усмотрения в известном многообразии простого и повторяющегося. Декарта можно считать основателем аналитической методологии, которая дробит природную действительность (а вслед за ней и человеческое сознание) на аналитические единицы.

У Лейбница мы также встречаем последовательное выражение представлений о сложности. Диалектика Лейбница основывается на идее тождества структуры и субстанции. Субстанция Лейбница является условием возможности структуры, а структура — субстанции. Для обозначения этого диалектического единства он вводит понятие «монады». Идеи о том, что монады, с одной стороны, «не имеют окон», а с другой, осведомлены о состоянии целого, во многом когерентны сложностной картине мира. Единичная монада оказывается замкнутой на себе и одновременно является «зеркалом

универсума», которое находится в состоянии непрерывного изменения: «Каждая субстанция есть как бы целый мир и зеркало Бога или всего универсума, который каждая субстанция выражает по-своему» [Лейбниц 1982, 132]. Каждая единичная субстанция (монада) является включенной в мир других монад (единичных субстанций), что делает возможным существование структуры, где все множественное единичное связано со всем на базе единой целостности, единстве единств. Мысль о наличии сложной структуры на базе простой (единой) целостности представляет собой прорыв в область представлений о диалектической взаимосвязи простоты и сложности. Все монады существуют и развиваются независимо друг от друга, но когерентно онтологической динамике мирового целого.

Диалектика «сложного» продолжает раскрываться в известных антиномиях И. Канта, а онтологические особенности сложных систем углубляются в работах Г.В.Ф. Гегеля. Сложное Кант рассматривает как «случайное единство многообразного» [Кант 1964, 414]. Его известная антиномия утверждает, что нельзя мыслить сложность и простоту непротиворечиво.

Как подмечает Гегель, вся наша познавательная деятельность оказывается опытом обнаружения сложности [Гегель 1970, 270]. Немецкий мыслитель в своих работах обнаруживает посредством логики восхождения к единому относительность сложности и разнообразия, намечает недостаточность и тавтологичность существующих определений сложности. В рамках своей диалектики немецкий философ фиксирует качественное различие простого и сложного, живого и неживого, обозначая существование определенной иерархии и логики развития, где все уровни бытия связаны друг с другом. Развивающаяся система категорий Гегеля предполагает движение от непосредственного, простого и предельно абстрактного «чистого бытия» к сложному и опосредованному представлению его как «абсолютной идеи». Идея развития через последовательное усложнение материального мира обосновывается в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

В контексте философии XIX–XX вв. реакцией на кризис науки является так называемая «философия процесса» или «философия длительности», в различных формах и на разных основаниях возвращающая нас к идее становления. Здесь происходит существенная переоценка ценностей науки и философии: мир тождественного, неизменного, вневременного бытия заменяется представлениями о сложном мире, становящемся во времени.

Философия процесса получает свое содержательное наполнение в рамках работ А. Бергсона. Он исходит из принципа творческой эволюции и жизненного порыва как «механизма», позволяющего переходить от простых форм организации материи к сложным. В дальнейшем эти идеи продолжают развиваться в контексте «философии процесса» А.Н. Уайтхеда. Сложность как «материальный синтез» рассматривается в философии Тейяра де Шардена. Наивысшая сложность оказывается заданной человеческим сознанием.

Среди отечественных философских течений, которые активно обсуждали феномен сложности, можно выделить космизм и диалектический материализм (Ю.Л. Егоров, В.М. Купаев, Н.Г. Козин, Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, М.А. Слемнев). В фундаментальной работе под редакцией В.С. Тюхтина «Диалектика познания сложных систем» [Тюхтин (ред.) 1988] выделяются объективная и субъективная сторона сложности, исследуются её онтологические и гносеологические характеристики.

Одна из последних фундаментальных работ, посвященных сложности в русле диалектического материализма, представлена докторской диссертацией И.С. Утробина, в которой усложнение рассматривается как ключевая характеристика мирового процесса развития. В его работах мы встречаем материалистическую концепцию сложности, попытку рассмотреть данный феномен во всеобщей теории развития. Усложнение Утробин рассматривает как одну из ключевых характеристик мирового процесса развития. Процесс развития рассматривается как процесс приращения сложности, а идея усложнения — как квинтэссенция идеи развития. Феномен сложности как «единство в многообразии» рассматривается им в разных плоскостях: на феноменологическом уровне

обыденного сознания, общенаучном, конкретно-научном уровнях фундаментальных наук и на философском уровне. При характеристике таких смежных понятий, как «сложный», «сложность», «сложная система», выделяется два ключевых признака: разнообразие и единство. Как подмечает Утробин, «полюсами сложности являются: разнообразие, единство которого стремится к нулю (хаос), и единство, разнообразие которого стремится к нулю» [Утробин 1993, 23]. В работе «Категория сложности и конкретно-всеобщая теория развития» он утверждает, что усложнение выражает саму логику бытия, механизмы «свертывания многообразия в единство» («концентрирование в простоту») и «развертывание в новое многообразие» («формирование сложности в простом») [Утробин 1994, 56].

Наработки, сделанные в рамках диалектического материализма, по известным причинам оказались слабо востребованными. Именно с этим можно связать то обстоятельство, что в настоящее время принято говорить о «сетевой рациональности» (М. Кастельс), «науке о сложности» (К. Майнцер), «парадигме сложности» (Э. Морен), а не о «философии сложности» или же «диалектике сложности». К философам, изучающим репрезентацию сложности в русле постмодернизма, можно отнести Ж. Делеза, Ж. Деррида, Э. Левинаса и др.

Современность многими исследователями справедливо связывается с постмодернизмом. Искомый «дух сложности» постмодерн выражает наиболее близко. П.К. Гречко отмечает, что «complexity как социальный феномен – это теоретико-методологическое выражение особой исторической ситуации – ситуации постмодерной современности» [Гречко 2012, 5]. Ряд исследователей постмодернизм связывает с упрощением. И.А. Гобозов замечает, что «в эпоху постмодернизма все упрощается, все примитивизируется: экономика, политика, культура, вообще духовное творчество представляются не как сложный, ответственный и кропотливый труд, а как нечто такое, чем все могут заниматься» [Гобозов 2015, 53].

Познание действительности превращается в своего рода конструирование, а истина становится конструктором (можно сказать, что истина не открывается, а делается). Фрагментарность, множественность и, как следствие, сложность действительности становится перманентной. Гречко заключает: «Каждый симулякр фрагментарен, частичен, живет сам по себе и никакой упорядоченности, или структуре, не приписан. Это поток (потоки) сингулярностей, детерриториализированная клипкультура, в которой нет и не может быть общей “картины мира”. Каждый человек волен собирать, как из кубиков, и по-своему в ней устраиваться» [Гречко 2013, 36]. Поскольку не существует никакой конечной, всеобщей действительности, то сложность смещается в представления о многообразии смыслов и значений.

Философия с момента своего оформления делала предметом изучения сложные вопросы бытия и познания. В классической философии многообразие действительности снималось в представлениях о «едином», в которое сложность оказывается «упакованной». В онтологическом плане сложность обнаруживала себя как актуально простое, но потенциально сложное в своих скрытых возможностях. Философия усматривала за видимым разнообразием инвариантное единство, которое скрывает все возможные потенции своего осуществления. Все это оборачивалось «погоней» за простотой. В онтологии это «погоня» за всеобщими моделями бытия, в гносеологии за универсальными принципами познания и истины, в аксиологии за абсолютными ценностями, в философской антропологии за единой человеческой природой.

Содержательное многообразие философских систем и сложность самой философии оказывается заданным стремлением к простоте. Вместе с тем сама метафизика обнаруживает необходимость в усложнении, внутренней дифференциации, дроблении на учение о сущем, учение о познании, человеке и т.д. Парадоксально, но усложнение философии обнаруживается как её внутренняя необходимость, обусловленная стремлением философии к инвариантам в бытии и познании. Образы арифметически простой природы, метрически сложной действительности при её качественной однородности и простоте воспроизводятся на всем протяжении историко-философского развития, то на материалистических (Демокрит), то на идеалистических (Г.В. Лейбниц) основаниях.

Со времен Аристотеля метафизика устремлена к простому бытию. Логическая традиция «Аналитик» Аристотеля оказывается враждебной сложности и холизму. Сложность рассматривалась как следствие несовершенства материи (Платон), изменчивости самой действительности (Аристотель) или провозглашалась досадным следствием нашего незнания. В средневековой философии и теологии сложность человеческого разума есть показатель его несовершенства и противопоставлялась «простоте» Бога. Восстановление утраченного единства возможно только приближением к божественной простоте. Стремление к простым познавательным моделям находит методологическое выражение в «бритве Оккама» и редукционистской программе Нового времени, которая активно критикуется в рамках немецкого идеализма.

Неклассическая философия уделяла сложности больше внимания. Во многом это можно связать с достижениями науки и открываемыми ею перспективами. В рамках диалектического материализма сделана попытка интегрировать и осмыслить представления о сложности в свете науки (системного подхода, кибернетики, синергетики) и в контексте идеи диалектического развития. Нарботки, сделанные в рамках диалектического материализма, по известным причинам оказались слабо востребованными.

Современные представления о сложности фундируются философией постмодернизма с его проектом деконструкции модерна. Постмодерн культивирует различия, плюрализм и релятивизм, стирает границы между внутренним и внешним, между субъектом и объектом, центром и периферией. Идеология постмодерна оказывается соразмерной (но не тождественной) «духу сложности», сложностной картине мира, в которую оказывается погружена современность. Постмодернизм критикует саму идею возможности универсального знания, полагая, что оно лишает нас многообразия, искажает действительность, упрощая её до абстрактной познавательной модели.

Современность олицетворяет зримый конфликт между «эпистемой простоты», которая культивируется в модерне, и «эпистемой сложности». Воплощение «Вселенской парадигмы Запада» идеолог сложности Э. Морен видел в дуализме Р. Декарта. Эпистема модерна искала порядок, единство, всеобщность и организованность. Иначе говоря, простоту. Идеи системы, поиск трансцендентальных оснований бытия и познания в философии, парадигмального единства научного знания — таковы порождения модерна. Противопоставление вещи и идеи дает возможность обнаружить субстанциальное единство мироздания, найти прочный фундамент для его познания. Утверждая, что вещь противостоит идее, мы должны эту исходную абстракцию распространить на все многообразие действительности, тем самым её существенно обедняя. Постмодерн, напротив, культивирует различия и фрагментацию, нивелирует все то, что мешает множественности, плюрализму и дискурсивности, открывая перспективы для построения «философии сложности». В чем состоят преимущества такого рода метафизики плюрализма, является ли этот подход «новым поворотом» в философии, её очередным кризисом или отражением нищеты идей, ещё предстоит установить.

Источники — Primary Sources

Аристотель 1984 — *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984 [Aristotle *Nicomachean ethics* (Russian translation)].

Бруно 2000 — *Бруно Дж.* Философские диалоги: О причине, Начале и Едином. М.: Алетейя, 2000 [Bruno, Giordano *Dialogi. De la causa, principio et uno* (Russian translation)].

Бэкон 1978 — *Бэкон Ф.* Новый органон // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978 [Bacon, Francis F. *The new organon* (Russian Translation)].

Гегель 1970 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970 [Hegel, Georg Wilhelm Friedrich *Wissenschaft der Logik* (Russian translation)].

Декарт 1950 — *Декарт Р.* Страсти души // Декарт Р. Избранные произведения. М.; Л.: Госполитиздат, 1950 [Descartes, René *Les passions de l'âme* (Russian Translation)].

Кант 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964 [Kant, Immanuel *Kritik der reinen Vernunft* (Russian translation)].

Лейбниц 1982 — *Лейбниц Г.-В.* Рассуждение о метафизике // Лейбниц Г.-В. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982 [Leibniz, Gottfried *Discours de métaphysique* (Russian translation)].

- Аршинов, Свирский 2015 – *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Сложностный мир и его наблюдатель // *Философия науки и техники* 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84.
- Богомолов 1982 – *Богомолов А.С.* Диалектический логос. Становление античной диалектики. М.: Мысль, 1982.
- Гобозов 2015 – *Гобозов И.А.* Постмодернизм – эпоха медиократов // *Вопросы философии*. 2015. № 12. С. 41–54.
- Гречко 2012 – *Гречко П.К.* Парадигмальная эвристика complexity в современном социально-гуманитарном познании // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2012. №1. С. 5–20.
- Гречко 2013 – *Гречко П.К.* Постмодерный конструкционизм // *Вопросы социальной теории*. 2013. Том VII., Вып. 1–2. С. 25–42.
- Леонов 2004 – *Леонов А.М.* Прологомены к философии сложности // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 282. С. 55–59.
- Лосева 1979 – *Лосева И.Н.* Проблемы генезиса науки. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1979.
- Тюхтин (ред.)1988 – *Диалектика познания сложных систем* / под ред. В. С. Тюхтина. М.: Мысль, 1988.
- Утробин 1993 – *Утробин И.С.* Категория сложности в современной теории развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Пермь, 1993.
- Утробин 1994 – *Утробин И.С.* Категория сложности и конкретно-всеобщая теория развития // *Новые идеи в философии*. 1994. № 2. С. 56–67.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 5. P. 128–137

The Complexity in the Historical and Philosophical Tradition: the Experience of Comprehension

Pavel V. Opolev

The phenomenon of complexity is a determining factor in the development of the modern world. The concept of "complexity" is commonly used, widely used in daily life, in the framework of a General scientific and philosophical tradition. When studying the literature dedicated to the phenomenon of difficulty, it seems that science in addressing questions about her status, trying to do without philosophy. Without reference to the history of philosophy, notions of complexity will be incomplete. Complexity as a philosophical category reveals to us the mode of existence of reality, the diversity of things and their possible States. However, the understanding of the complexity in the historical-philosophical tradition is not sufficiently developed. For a better understanding of this phenomenon is required to identify the forms of representation of the notions of complexity in the history of philosophy. Historical and philosophical tradition may help to clarify the ontological, epistemological, and axiological aspects of complexity, which is currently projected in such interdisciplinary areas as synergetics, the concept of global evolutionism, the "paradigm of complexity". Issues of complexity wider "paradigm of complexity" and should be studied not only by means of the system approach, synergetics, the philosophy of postmodernism, but also in the history of classical philosophy.

KEY WORDS: unity, history of philosophy, diversity, simplicity, complexity, whole, part.

OPOLEV Pavel V. – The Siberian State Automobile and Highway University, 5, prosp. Mira, Omsk, 644080, Russian Federation.

CSc in Philosophy, associate professor Department of Philosophy of The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk.

pvo-sinergetica@rambler.ru

Received at September 11, 2017.

Citation: Opolev, Pavel V. (2018) 'The Complexity in the Historical and Philosophical Tradition: the Experience of Comprehension', *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2019), pp. 128–137.

DOI: 10.31857/S004287440005063-4

References

- Arshinov, Vladimir I., Svirskiy Yakov A. (2015) "Complexity the world and its observer", *Philosophy of science and technology*, Vol. 20, N 2, pp. 70–84 (in Russian).
- Bogomolov, Alexey S. (1982) *Dialectical logos. The development of ancient dialectics*, Mysl, Moscow (in Russian).
- Gobozov, Ivan A. (2015) "Postmodernism – an era of mediocrates", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2015), pp. 41–54 (in Russian).
- Grechko, Piotr K. (2012) "Paradigmatic heuristic complexity of the modern socio-humanitarian knowledge", *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples. Series: Philosophy*, N 1, pp. 5–20 (in Russian).
- Grechko, Piotr K. (2013) "The Postmodern constructionism", *Questions of social theory*, Vol. VII, N. 1–2, pp. 25–42 (in Russian).
- Leonov, Andrey M. (2004) "Prolegomena to the philosophy of complexity", *Bulletin of the Tomsk state university*, N. 282, pp. 55–59 (in Russian).
- Loseva, Irene N. (1979) *Problems of the genesis of science*, Rostov state University, Rostov on/D (in Russian).
- Tyukhtin, Victor S. (ed.) (1988) *Dialectics of knowledge of complex systems*, Mysl, Moscow (in Russian).
- Utrobin, Igor S. (1993) *The complexity of the modern theories of development*, Avtoref. dis... d-ra filosof. Sciences, Perm (in Russian).
- Utrobin, Igor S. (1994) "The complexity and the concrete universal theory of development", *New ideas in philosophy*, N. 2, pp. 56–67 (in Russian).